Глава 5

Пятнадцатилетний парень сложился вдвое с резким, взрывным хрюканьем, когда конец полицейской дубинки ударил в его живот, как молот. Его рот беззвучно открылся. Не сразу. Он просто стоял там, хватаясь обеими руками пока его шокированная диафрагма пыталась вдохнуть достаточно воздуха для крика от боли.

Но та же дубинка ударила его по шее, бросив на колени.

Солдат Шотеборских Сил Общественной Безопасности (ШСОБ) даже не моргнул, используя свой армопластовый щит чтобы отбросить упавшего в сторону. Он уже выбрал следующую цель по мере того, как ШСОБ врезалась в толпу "анархистов, террористов и закоренелых профессиональных агитаторов", наполовину заполнившую огромный квадрат, зовущийся Площадью Желтых Роз в сердце города Велеград.

Старшеклассники и студенты колледжей, стекавшиеся в столицу с большими надеждами, видели подходящих полицейских, но ни у кого в передних рядах демонстрации не было способа уйти с дороги. Толпа за ними была слишком плотной. Они были в ловушке между своими протестующими товарищами и подходящей полицией. Большинство бросило плакаты, требовавшие новых выборов - или охапки желтых роз - которые они несли, и поднимали руки над головами. Здесь и там толпа бросалась на бронированных полицейских вместо того, чтобы сдаваться но результат не зависел от их выбора. У полицейских были свои приказы и нейрохлысты и старомодные дубинки подымались и падали с ужасной, хорошо тренированной эффективностью.

Многие из новых жертв успели закричать, когда их выбили на улицу и некоторые из солдат СОБШ не прилагали усилий, чтобы не давить их своими тяжелыми сапогами. Вместо этого не один из полицейских останавливался чтобы проходя ударить упавшего демонстранта прямо в лицо.

Задние ряды демонстрации начали редеть, когда молодые люди в них поняли, что случилось. Студенты разбегались во всех направлениях, но несколько дюжин были так же неспособны уйти с дороги, как передние ряды. Они были как зерна для мельницы и полицейские молотили их безжалостно.

"Дайте им урок" - сказал их командир и СОБШ хорошо выполняли его приказы.

* * *

Футбольный мяч летел в верхний угол ворот, но прыгнувшая, полностью вытянувшаяся девушка-вратарь смогла достать его рукой. Она потянула его вниз, хватая мяч обеими руками и прижимая к себе. Ударившись о землю плечом, она перекатилась на колени, сжимая мяч.

Аплодисменты и одобрительный свист раздался с малозаполненных трибун, и высокий светловолосый человек одобрительно кивнул. Несмотря на кивок, его мысли были где-то вне поля, и он нахмурившись повернулся к темноволосому, еще более высокому человеку, стоявшему рядом.

"Не могу поверить, что Симинетти такой идиот," - сказал он тихо, осторожно держа свое лицо повернутым к сплошной керамокритовой стене позади его товарища. Подслушивающие системы не перекрывали это определенное место, и это было не случайным. Это было сделано во время последней реконструкции стадиона, и он осторожно и очень, очень незаметно

регулярно проверял, что все так и остается. Это не означало, однако, что мобильные платформы не могли слышать их.

"Что за идиот не понимал какое негодование вызовет попадание свыше шестидесяти безоружных студентов - некоторым едва исполнилось четырнадцать, ради Бога - в госпиталь и одиннадцать в морг!" - продолжил он и его резкий тон казался еще резче из-за железного контроля над ним.

"Подразумевая, что его беспокоит это негодование, Адам," - указал ему другой, столь же тихо. "Откровенно говоря, я не думаю, что это так."

"Это должно быть так, будь он проклят!"

"Ты думаешь так; я думаю так; и дети, бывшие на площади думают так. Но я сомневаюсь, что Цабрнох, Капичка или Вернер разделяют наш взгляд. Там было столько полицейских, что я не сомневаюсь, Сабатино был готов к нескольким тысячам - или нескольким сотням тысяч жертв."

Адам Шимл пробормотал что-то непечатное под нос и свирепо взглянул на своего друга, но Зденек Вилюшинский знал Шимла большую часть Т-столетия. Он знал, на кого реально направлена эта свирепость и терпеливо ждал, когда его друг детства пройдет через это.

Шимл повернулся, глядя через футбольное поле. Он знал Вилюшинского так же, как тот знал его. То есть он знал, что его старый друг понимает, что происходит сейчас в его голове. Ничто не могло утолить его кипящую ярость от случившегося на Площади Желтых Роз.

Площадь была названа на чешском, языке первых поселенцев Шотебора. Этот язык был полностью вытеснен в повседневной жизни стандартным английским за три столетия с основания. Вообще-то только треть из первых колонистов системы Куманг говорили по чешски. Так случилось, что семья Шимла была из этой трети. Фактически случилось, что один из лидеров первой волны поселенцев и один из тех, кто разработал Шотеборианскую Конституцию также имел имя Адам Шимл.

Не то, чтобы нынешний глава семьи, той, что была и той, что осталось от нее, был в состоянии много сказать о том, как измельчала эта Конституция. Во всяком случае если он не хотел попасть в тюрьму Горный пик, неважно, насколько восхитительные там пейзажи.

Кроме того, было далеко не очевидно что он когда-нибудь попадет в эту главную тюрьму Сил Безопасности. В последние несколько Т-лет заключенные начали тихо и бесследно исчезать из списков. Они не были освобождены, не умирали (по крайней мере официально), и, совершенно уверенно, не бежали. Они просто . . . исчезали.

Он напомнил себе об этом - твердо - когда ярость пронизывала его, но это было не легко. Не тогда, когда он думал о Площади Желтых Роз.

Желтые розы, чьим именем названа площадь, это местный цветок, не что-то со Старой Земли, размером с ладонь человека, с чудесной сапфирово-синей сердцевиной, блестящими желтыми лепестками с кроваво-красными пятнами. Он был восхитителен, и он был выбран как эмблема Шотебора, как символ обновления, свободы и самоуправления первым Адамом Шимлом и друзьями, соседями, работниками Кресуэлл Комбайн которых он помог убедить профинансировать их в стремлении найти новый дом подальше от Системы Кальпурния и растущей мощи Соларианских

межзвездных корпораций. Чтобы построить дом, в который не проникли бы щупальца этих корпораций он должен быть достаточно далеко от Лиги, чтобы иметь время создать и удержать демократию, достаточно сильную для сопротивления тому сорту эксплуатации, который представляла Кресуэлл Комбайн. Это было то, о чем хотели напомнить всем шотеборцам молодые демонстранты на Площади Желтых Роз . . . и все видели, чем это кончилось.

"Они не могут держать крышку над этим все время, Зденек," - сказал он резко, но только после того, как убедился, что может держать свой гнев под контролем. "Просто не могут."

"Пока кто-нибудь не отменит чрезвычайное положение, чертовски хорошо могут," - прямо сказал Вилюшинский, "и ты это знаешь."

"Грушка никогда не предлагал продолжать его так долго." - огрызнулся Шимл.

"Он мог бы чертовски хорошо предложить, чтобы солнце садилось по его указу." Вилюшинский повернул голову чтобы плюнуть на керамокритовый пол. "Впрочем, врядли Цабрнох и Ждарска - или Симинетти! - обратили бы на это внимание."

Шимл сверкнул на него глазами, но затем его плечи опустились и он утомленно кивнул. Он был там - фактически он входил в кабинет президента Романа Грушки - когда были изданы первые указы. Уже тогда он видел, чем это кончится и его протесты были одной из причин того, что глава персонала министра Общественной Безопасности Яна Цабрноха Зузана Ждарска сделала (частным образом) абсолютно ясным, что его услуги как министра Сельского хозяйства больше не требуются. Что, в нынешних обстоятельствах будет лучше для него поискать новую карьеру в частном секторе. А если он не захочет понимать дружеский намек, будут найдены более . . . жесткие методы убеждения.

Вот почему он был плохо оплачиваемым профессором агрономии в университете Эдуарда Бенеша последние пятнадцать Т-лет.

"Иногда я удивляюсь, что мы сделали, чтобы разозлить Бога," - сказал он наконец. Его голос был тяжелым, выражение усталое. "Вероятно, мы могли бы справиться с проклятыми жуками."

"Вероятно. Нет,"- Вилюшинский покачал головой. "мы справились с комарами в конце концов. Во всяком случае, ты должен отдать Цабрноху должное. Эти нацеленные нанотехи были блестящей идеей и он нашел способ построить их."

"Конечно, нашел. И это основывалось на работах моих людей - моих и Общественного Здоровья! Ты думаешь, кто-нибудь помнит это? И чем он отплатил?"

"Я не говорил, что он предложил решение, и я не говорил, что это обошлось дешево. Но если бы ты спросил большинство наших граждан в то время, стоило ли оно того, я отлично знаю, что бы они сказали. Если на то пошло, они это и сказали."

"Но это открыло дверь для Фрогмор-Веллингтон и Ивахара!" - запротестовал Шимл.

"Что? Ты ожидал, что люди, чьи дети умирали, думали бы, что это плохой обмен? Особенно после того, что с нами сделал Рейхарт?"

Вилюшинский снова покачал головой, но выражение его лица смягчилось, и он извиняюще положил руку на руку своего друга. Адам Шимл потерял жену, Кристину Шимлову-Лоутанову, сына тинейджера и обоих маленьких дочерей в то время. Если кто-то в Шотеборе мог понять

то, что сказал Вилюшинский, это был Шимл, хотя его опустошаюшее горе только раздувало его ярость, когда он думал о том, что мир, который его жена и дети никогда больше не увидят, предан его собственными избранными лидерами.

Шотебор едва ли был на переднем крае технологии. Он был слишком далек от центра Солнечной Лиги для этого. Но по крайней мере он имел некоторую медицинскую базу и это были местные шотеборские исследователи - его команда, хотя он уже был уволен когда решение нашли - которые предложили нацеленные нанотехи для борьбы с коричневым прудовым комаром, повсеместно распостраненным "надоедливым" вредным насекомым, который мутировал в смертельно болезнетворном направлении. Но на Шотеборе не могли сделать этих нанотехов из-за рейдеров Измаила Рейхарта.

Рейхарт увидел свой шанс, когда Шотебор был занят с комарами, хотя Астроконтроль Системы Куманг не был ему помехой и в лучшие времена, и его наемнический флот ударил по звездной системе как молот. Сам Шотебор они оставили относительно невредимым - они не желали получить комаров на своей собственной земле - но они ограбили и обрезали каждый кусок с таким трудом построенной индустриальной инфраструктуры системы. Они также забрали силовые спутники, возвращая Шотебор к генерации энергии на планете, со всеми сопутствующими ограничениями, пока их не смогут заменить . . . после того, как Рейхарт соизволит удалится с награбленным.

Оставив Шотебор полностью неспособным разрешить отчаянный кризис здоровья своими собственными силами.

Вот почему президент Грушка, подталкиваемый новоизбранным вице-президентом Цабрнохом, не увидел другой возможности, как обратиться за помощью к Управлению Пограничной Безопасности Солнечной Лиги. Которую УПБ оказало . . . на своих условиях.

Вот как Шотебор полностью потерял контроль над ресурсами своей собственной звездной системы.

Под давлением УПБ, чтобы "максимизировать потенциал генерации доходов" для населения, Грушка издал указ, отменяющий конституционные ограничения, сделанные для предотвращения внешней эксплуатации системы. По конституции он не имел права делать это, но Nejvyšší soud, Высший суд Шотебора, отказался принять единственный иск, оспаривающий его действия. Шимл знал всех присоединившихся к этому иску, хотя он не имел формального отношения к этому. Он хотел поддержать иск, но он не был популярен в тот момент, так-как Цабрнох и Ждарска обвинили его в провале разрешения кризиса собственными силами. Однако он понимал точку зрения Вилюшинского. Независимо от того, что чувствовали люди сейчас, в то время действия Грушки поддерживались огромным большинством шотеборианцев.

Конечно, некоторые из них - и их дети - раскаивались в эти дни.

В обмен на значительную выплату - действительно значительную, по стандартам Шотебора, убедился Шимл - по сделке, заключенной при посредстве "незаинтересованных" стимуляторов из УПБ, Фрогмор-Веллингтон Аэронаутик и Ивахара Интерстеллар получили в аренду на двести Т-лет с правом продления фактически все космические ресурсы Куманга. Это денежное вливание, соединенное с технической помощью УПБ, позволило окончательно сконструировать и изготовить анти-комариных нанотехов, которые уменьшили статус угрозы со смертельно

опасной до просто серьезной, которую можно контролировать, если не уничтожить, профилактическими мерами на месте.

Все это ценой закабаления всей звездной системы.

Как часть договора, подписанного Грушкой, УПБ взяла на себя "восстановление" инфраструктуры, разрушенной атакой Рейхарта. Она была восстановлена приблизительно до прежнего уровня и как часть восстановления УПБ взяла на себя административную ответственность за нее. Как только Шотебор выплатил бы кредит, выделенный Лигой для этого через УПБ, право собственности на инфраструктуру естественно вернулось бы к Шотебору. Между тем, УПБ потребовало "разумного вознаграждения" за свои операционные расходы в Куманге. В последний раз, когда Шимл видел расчет долга, это "разумное вознаграждение", проценты и штрафы за хроническое запаздывание выплат превышало исходную сумму примерно на двести десять процентов.

А выплаты всегда запаздывали, так-как не было достаточного поступления денег для этого. Несмотря на аванс от

Фрогмор-Веллингтон и Ивахара, ежегодные доходы от аренды были ничтожны, а поскольку обе корпорации рассматривали Куманг как долговременную инвестицию, которая не требует развития ближайшие пятдесят - шестдесят Т-лет, они не спешили вкладывать деньги в развитие пока они не соизволят. Сами шотеборианцы не могли извлекать выгоду из богатых ресурсов своей собственной звездной системы, чтобы получить доход для выплаты долга, так как фактически они больше не владели этими ресурсами, и Луис Вернер, нынешний губернатор от УПБ - хотя конечно его официальный титул был только "системный администратор" - был этим доволен. Фактически его задачей было подавить любые усилия шотеборианцев эксплуатировать те фрагменты своих звездных ресурсов, которыми они еще владели.

Шимл не был уверен, было ли это политикой УПБ гарантировать, чтобы их рабы не выбрались бы из долгов, или это политика Фрогмор-Веллингтон и Ивахара, да это и не было важно. Важно было что теперь президент Цабрнох и вся его администрация глубоко в кармане УПБ и далеких хозяев Куманга. Вообще говоря, у Цабрноха не было реального выбора. Блеск начал сходить с его публичного имиджа около десяти лет назад, когда Шотебор смог перевести дух и понять, как много из его наследства распродано. Теперь ему не к кому было обращаться, если бы он собирался противодействовать своим внесистемным патронам, и он не собирался делать этого.

Грушка оставил свой офис семь лет назад, постепенно становясь все менее адекватным. Когда он умер - от естественных причин, насколько Шимл мог сказать - его вице-президент был фактическим диктатором системы уже десять Т-лет. После смерти Грушки не было даже имитации новых выборов. Цабрнох посто занял должность, после чего многие шотеборианцы поняли - конституция не умирает, она уже умерла. Тогда и начались настоящие проблемы.

"Хорошо, Зденек. Ты прав насчет этого. Ты всегда прав, нравится мне это или нет. Но на этот раз Симинетти и Безопасность перешли черту. Ты знаешь, так же как и я, как наши люди среагируют на это; Бог знает, что появится из планетной провинции!"

"Ты вероятно прав насчет этого," - согласился Вилюшинский. "Я думаю, будет хорошей идеей передать лидерам наших ячеек, что они должны удерживатся от поспешных действий."

"Уже в цепочке," - сказал Шимл. Затем он фыркнул. "К несчастью, я думаю, Искра могла быть слишком удачным выбором для имени."

Теперь была очередь Вилюшинского фыркнуть. Шимл предложил Искру как имя для их организации по многим причинам, включая его любовь к истории. Насколько Вилюшинский знал, понятие зажигающих искр было отличным выбором. Но Шимл был прав насчет . . . энергии их искр. Эти искры слишком готовы поджечь трут после сегодняшнего инцидента.

"Это не плохо, во многих отношениях," - указал он. "Ты прав, сейчас надо их сдерживать, но черт возьми пришло время изменить наши действия, Адам. Ты знаешь это."

"Да." - лицо Шимла напряглось. "Хотя я надеялся, мы можем сделать больше, чтобы подготовить почву ненасильственными средствами. В данный момент боюсь у нас нет инструментов для чего-нибудь еще."

"Так давай начнем искать кого-то, кто может их доставить," - сказал Вилюшинский угрюмо. " А пока будем надеятся, что никто из наших людей, участвовавших в демонстрации не укажет на Искру на допросах."

* * *

"Удовлетворительно," - сказал Карл-Хейнц Сабатино, вращая бокал с бренди под носом и вдыхая букет. "Что говорили древние о том, что грамм профилактики лучше, чем кило лечения, Луис?"

"Ты реально думаешь, что это будет эффективно?" - системный администратор Луис Вернер сел в плавающее кресло в роскошно обставленном оффисе Сабатино со своим собственным бокалом бренди. Это было греховно комфортабельное кресло, но его выражение было менее чем счастливо.

"Да." - Сабатино сделал глоток, поставил бокал и пожал плечами. "Я не совсем уверен, что это лучшее решение, ты понимаешь, и мне никогда не нравилась тактика Цабрноха. Но последнее, что нам нужно, это чтобы эти пролы решили прыгнуть в ту же сторону, как те идиоты в секторе Талботт. Что бы я ни думал о его методах, они подумают дважды о том, чтобы надавить на него в этом направлении."

"Холовач думает, что это может иметь противоположный эффект," - сказал Вернер, в его глазах было беспокойство. "Согласно его рапортам, на Шотеборе есть элементы, считающие этих бунтовщиков мучениками."

Сабатино поморщился. Технически он не имел официального поста в руководстве Куманга. Фактически, как местный исполнительный директор и Фрогмор-Веллингтон Аэронаутик и Ивахара Интерстеллар он был тем, о чем он любил думать как о короле лягушек в пруду. Или может быть, это не было лучшей аналогией. Ему вспоминались фрагменты сказок из его детства на фермерской планете Фаттория. Что-то про Короля Бревно и Короля Аиста.

Важно было, что он был кассиром нынешнего правительства Шотебора. То, что было мелочью для корпораций вроде Фрогмор-Веллингтон или Ивахара было более чем достаточно, чтобы сделать неоварварского диктатора, вроде Цабрноха и ключевых членов его режима неприлично богатыми по местным стандартам. В отличие от многих своих товарищей

Сабатино не имел проблем с тем, чтобы назвать это тем, чем оно было - подкупом и взяточничеством - хотя он избегал этих терминов в дискуссиях с Вернером. Эти слова были слишком близко к собственным отношениям системного администратора с Сабатино.

Правда оставалась правдой, однако, и какую бы терминологию они не использовали, Вернер точно знал, чья рука держала его поводок. К сожалению, никто не мог назвать системного администратора самым острым стилусом в коробке, но с этим Сабатино мог работать. На самом деле были преимущества в том, что есть кто-то, кто сначала приказывает, а потом думает.

Неприятным было, что Жандармерия держала рядом с Вернером майора Джекоба Холовача. Холовач имел на самом Шотеборе не больше официальной юрисдикции, чем сам Вернер, но он командовал укомплектованными Жандармерией Силами Системной Безопасности, которые отвечали за полицейские функции на управляемой УПБ инфраструктуре на орбите и в дальнем космосе. Независимо от его статуса на Шотеборе он и его старший аналитик, капитан Хизер Прайс, были линзой, через которую официальная разведка оценивала входящие документы Вернера. Все было бы хорошо, если бы Холовач был более восприимчив к обычным приманкам его должности. Так уж повезло Сабатино иметь идеалистического идиота, который в других отношениях был вполне удовлетрительным назначением.

Да еще проклятые манти в менее чем шестидесяти четырех световых годах, после того, как аннексия сектора Талботт завершилась, и система Монтана ратифицировала ее. Последнее, что ему было нужно, чтобы шотеборианцы подхватили этот психоз, думал он угрюмо.

Он не обвинял их на персональном уровне. На их месте он и сам хотел бы того-же, и он не был счастлив от количества пострадавших в недавних . . . неприятностях. Это количество было чрезвычайно мало по сравнению с случившимся в других системах, но это не была "другая система." Это была система, за управление которой он отвечал, и чем меньше пострадавших, тем лучше, с его точки зрения. Не то чтобы он мог делать свое дело без того, чтобы кто-нибудь не пострадал. Галактика так не работает.

Вот почему было так важно подавить любую шотеборианскую тенденцию подражать Талботту. Главный оффис будет очень несчастлив, если они вдруг найдут кого-то, кто ведет дела с манти, которые имели заслуженную репутацию уменьшителей размеров межзвездных корпораций, в резком контрасте с приятными отношениями корпораций с УПБ.

"Холовач всегда видит призраки под диваном," - сказал он, глотнув свой бренди пренебрежительным жестом, выражающим большую уверенность, чем он действительно чувствовал. "Кроме того, разве он не тот, кто предупреждал вас, что пример Талботта распространяется на Куманг."

Вернер кивнул, хотя это было не совсем то, что говорили ему Холовач и Прайс. Хотя это было достаточно близко, и он с беспокойством спрашивал себя, не были ли предупреждения Холовача более соответствующими происходящему под поверхностью Шотебора, чем знала администрация Цабрноха(или готова признать, в любом случае), и более точными, чем хотел признать Сабатино. На самом деле Вернер предпочитал анализ исполнительного директора. Вывод, что ропот недовольства, распространяющийся в населении Шотебора, представляет первые импульсы общего, несфокусированого недовольства был более удобным, чем идея, что какое то организованное движение реформ может тикать под поверхностью.

Кроме того, напомнил себе системный администратор, непохоже, чтобы Холовач и Прайс имели какие то подтверждения существования такой организации. Если бы имели, тогда

другое дело, а так . . .

Сабатино посмотрел в лицо Вернера и сделал еще один глоток бренди, чтобы скрыть хмурый взгляд. По появившемуся выражению системного администратора стало ясно, что в этот раз Холовач сумел поколебать уверенность своего начальника. Неудивительно при таких усилиях. Собственные источники Сабатино сообщали, что Холовач был твердо против бойни на площади Желтых Роз. Учитывая это, он конечно вылил бы в ухо Вернера все виды алармистских рапортов после случившегося.

Особенно, если некоторые из них были довольно точны.

"По моему," - сказал он, ставя бокал, "Холовач алармист, и чем скорее ты сможешь избавится от него, тем лучше. Однако," - добавил он, "возможно - отдаленно возможно, я полагаю - он может быть прав в том, как некоторые граждански активные шотеборианцы реагируют на это. Так что, может быть, нам нужно немного профилактики."

"Профилактики?"

"Возможно не вредно найти вакцину от этой инфекции," - сказал Сабатино, довольный аналогией с историей Куманга. "Что-то, что может вылить масла на воду." - продолжил он, безжалостно мешая метафоры.

"Что ты имеешь ввиду, Карл-Хейнц?" Вернер звучал озадаченно, и Сабатино улыбнулся.

"Нам нужен местный рупор чтобы успокоить любую склонность к. . . поспешности у части этих людей. Давйте признаем, Льюис - с их точки зрения, у них в самом деле есть много поводов быть несчастными. Фактически, если бы я мог найти способ . . . улучшить ситуацию, я бы сделал это, но мои руки связаны главным оффисом. Но если я не могу изменить экономическую ситуацию, мы должны найти кого-то, кто сумеет убедить этих людей - реально убедить, я имею ввиду - что их слышат, и что может быть сделано - будет сделано. Кого-то вне правительства, но к кому бы прислушались. Чтобы убедить их, что он имеет реальные шансы ответить по крайней мере на некоторые их требования."

"Должен ли я предположить, что у тебя есть кто-то на уме?"

"На самом деле я думаю о Шимле."

"Шимл?" Вернер моргнул от изумления. "Карл-Хейнц, он ненавидит наши кишки. Это одна из немногих вещей, в чем согласны Холовач и твои люди."

"Это не совсем так."

Сабатино покачал головой, встал, поставил бокал на стол и пересек комнату, чтобы посмотреть из окна своего оффиса на двухсотом этаже на ночной Велеград, сверкающий линиями огней.

"Он ненавидит Цабрноха и его шайку с чистой, слепящей страстью. Это я признаю. И он наверное не любит тебя или меня больше, чем должен. Но ты думаешь, что он вернулся к этому проклятому семейному Соколу чтобы быть аполитичным?" Исполнительный директор фыркнул. "Пожалуйста, Льюис! Он мог быть только министр сельского хозяйства, когда дерьмо полетело на вентилятор и не имел горшка, чтобы помочится, в финансовом смысле. Но с его фамильным именем его глаза уставлены точно на оффис Цабрноха. И я гарантирую что способ, каким Цабрнох выпнул его задницу из правительства - и обвинил его в в задержке дела с

комарами, вдобавок - не сделали его счастливым. Не бывает во вселенной, чтобы такой человек мог видеть "спортивную ассоциацию" чем-то, кроме возможной политической платформы."

"Но он всегда настаивал, что Сокол - неполитическая, беспартийная организация," - указал Вернер. "В этом смысле его семья была как алмаз с самого начала. Если он сойдет с этой линии, это будет стоить ему потери популярности, которая растет уже почти два десятилетия."

В этом была по крайней мере часть правды, признал про себя Сабатино. Первый Адам Шимл единолично основал Ассоциацию Сокол Шотебора еще перед тем, как колонисты отбыли из Кальпурнии в Куманг. Это была часть его решимости восстановить и поддержать свое чешское наследие и он брал за пример древнюю, третий век до Расселения, спортивную ассоциацию, также называвшуюся Сокол.

Конечно были отличия. Сокол Шимла предполагался как националистическая, так и спортивная организация, но не политическая, как оригинальная модель. Ее предназначение было напомнить наследникам чешских земель о том, кто они были и откуда пришли, а не продвигать восстановление чешской этничности и культуры от империи, включавшей эти земли на Старой Земле. Фактически то, что она кроме того давала своим членам здоровье было как глазурь на торте, с точки зрения ее основателя. Весьма желательная глазурь, но почти несущественная для других ее функций.

Как и оригинальный Сокол, Шимловский концентрировался на гимнастике но также занимался другими видами спорта, включая - может быть, особенно имея в виду страсть шотеборианцев - футбол. Число членов снижалось с годами, хотя удивительно большой процент шотеборианских родителей по крайней мере продолжал записывать своих детей. Одно время почти восемьдесят процентов всех шотебориан было в Соколе. Ко времени, когда комары стали смертельными, это число упало до пятнадцати-двадцати, но Сокол был башней силы во времена чумных лет.

Это была всесистемная организация, вне правительства, откликающаяся с щедростью и невероятным усилием, и многие ее члены умерли, помогая другим. Это вызвало огромное уважение и мощную волну записи - записи взрослых, а не детей и подростков. И когда потомок основателя был вытравлен из офиса с неопределенной судьбой семьи, разоренной тем, что он бросал все, что имел в попытки смягчить последствия комаров, управляющий совет пригласил его, теперешнего Адама Шимла, чтобы стать председателем создания его предка.

Это было больше, чем просто жест благодарности человеку или семейному имени. Стипендия, которая пришла с офисом президента, не была огромной, но она, по крайней мере, спасла его от голода пока он не стал преподавать в университете. Он отплатил совету, бросив всю свою энергию на перестройку Сокола в то, для чего его многократный пра-пра-дед предназначал - в организацию, которая защищает чувство идентичности Шотебора и тренирует и обучает его сыновей и дочерей - морально и физически - без привязки к какой-то партийной линии.

Политическая нейтральность, отстранение от любой партийной позиции было основным для того, чем стал Сокол и это было существеннее для родителей сейчас, чем это было прежде. Это было убежище не только от безжалостной индоктринации, бывшей частью повседневной школьной жизни, но также от горечи и отчаяния, охватывавших так много взрослых Шотебора

То, что там не было проповеди никакой конкурирующей политической индоктринации было единственной причиной выживания, как легально терпимой организации. Ну может быть и то, что президент Цабрнох сам был фанатичным футболистом.

"Я полагаю," - продолжил Вернер, "Сокол самая аполитичная организация на всей планете. Даже если он хочет это изменить - даже если он может это изменить - ты не думаешь, что будет тяжело развернуть ее? Я полагаю, что превратить ее в какой то вид эффективной политической машины достаточно быстро чтобы удержать Цабрноха и Капичку - или как минимум Симинетти - от того, чтобы раздавить ее задолго до этого будет сложной задачей."

"Конечно будет." - Сабатино фыркнул и отвернулся от окна посмотреть гостю в лицо. "Я не говорил, что так будет, Льюис; я говорил, что это очевидно то, что у него на уме. Я уверен, он не ожидает, что сможет сделать что-нибудь с этим завтра или послезавтра. Это то, над чем он работает в долгосрочной перспективе, я уверен в этом. И это означает, что как бы он не - как ты сказал? - "ненавидит наши кишки" - он увидит преимущества в получении нашей поддержки. Он должен понимать, как много хорошего мы можем сделать ему если он согласится "потереть нам спину". Вот почему в свое время я сделал существенное филантропическое пожертвование в его спортивную ассоциацию." Он улыбнулся. "Фактически я бы должен сделать это еще раньше. Я полагаю, что может быть достойнее, чем ассоциация, помогающая людям оставаться здоровыми и активными?"

"Я не знаю, Карл-Хейнц." - Вернер задумчиво пощипал нижнюю губу.

"Ты в самом деле думаешь, что он собирается задрать свой нос если я положу, скажем, полмиллиона кредитов на банковский счет Сокола?" - Сабатино саркастически засмеялся. "Конечно, нет! Черт, я положу целый миллион - даже два или три, если это понадобится. Я даже брошу полдюжины, построю новый футбольный стадион! Для такого дела," - его циничное выражение смягчилось на мгновение "это, вероятно, стоило бы сделать само по себе. Это не значит, что у меня нет разрешения на расходы "инвестиции в местную инфраструктуру", и это, конечно же, не может сделать людей вроде меня или моих боссов беднее!"

Он глотнул еще виски, снова посмотрел на своего гостя и цинизм вернулся в его улыбку.

"Я уверен, дело в том, что он убедит себя - есть много хороших причин и способов, которыми он может использовать эти деньги против Цабрноха, может даже против нас - когда он начнет думать о предложении, которое я сделаю ему. Я говорю тебе - этот человек имеет свои политические амбиции. Он будет играть с нами в мяч независимо от того, намерен ли он остаться в команде в конце, пока это предлагает способ начать строить твердую, мощную базу против Цабрноха. А когда дойдет до этого, мне все равно, что случится с Цабрнохом и Капичкой или с другими. Зная, как все их ненавидят, Шимл действительно может быть лучшим нашим представителем у шотеборианцев, когда ты об этом подумаешь.

Все знают, что он был выставлен из правительства, в котором он работал в те дни, настолько непопулярного, как его сделали Цабрнох и Капичка в последние несколько лет. Это было достаточно давно, чтобы люди забыли, как они злились на него за то, что он не разрешил чрезвычайной ситуации, также как забыли, какую благодарность они чувствовали к Цабрноху в то время, и это никогда не плохо иметь другую стрелу в колчане. Через некоторое время, если положим Шимла в карман, мы увидим в этом страховочную политику. Однажды он возьмет наши деньги, однажды он примет нашу поддержку и он будет нашей собственностью точно также, как Цабрнох."

Сабатино повернулся к окну, вглядываясь в темноту, как-будто он рассматривал там возможности.

"Я должен сначала обдумать это," - сказал он наполовину Вернеру, наполовину себе. "Главному оффису не понравится, если местные решат прыгнуть в сторону Талботта. Но когда ты приходишь к ним, помогая с местными политическими реформами, это может быть лучшим способом прекратить агитацию за то же устройство, который Талботт пытается составить с Манти. Если люди думают, что получат правительство, которое будет держать нас на нашем месте, они не будут меньше хотеть выйти на улицы - или начнут искать другую звездную нацию, чтобы защитить их - не так ли?"

Апрель 1921 после Расселения.

"Просто мы не хотим, чтобы вы обещали, что именно мы будем теми, кто поможет им."

- Изабель Бардасано,

Совет директоров Джессик Комбайн.

http://tl.rulate.ru/book/10132/279970